

И всегда возвращается к нам

К 120-летию со дня рождения Ф. И. ШАЛЯПИНА

В Финляндии Шалапин бывал еще до революции. Ездил, например, в Куоккалу к Репину, который писал его портрет.

В сентябре 1921 года приехал на гастроли в Латвию. В газете «Новая русская жизнь» в номере за 13 сентября 1921 года под заголовком «Большевики в Риге» сообщалось: «Шалапинский концерт дал в Риге чистого сбора 200 тыс. руб. Весь этот сбор должен был поступить в распоряжение латышского коммунистического комитета помощи голодающим в России».

В этой же газете появилась публикация под заголовком «Мефистофель при Чрезвычайке» за подписью Г. Алексинского. В ней, в частности, говорилось: «Шалапин, как и друг его Горький, вошел в резко очерченный круг нашей ненависти. Если бы он просто пел, как поют вольные птицы, даже когда их сажают в клетку, кто мог бы осудить его? Но он не просто пел, а пел хвалу порабощенным и истязателям родного народа». И завершается статья так: «Я не знаю, как другие русские, но что касается меня, то я не могу идти слушать Шалапина». Так политика застала душу.

В ноябре 1935 года Шалапин прибывал в Хельсинки. Задолго было объявлено о продаже билетов на оперы «Фауст» и «Севильский цирюльник». Имя «Шалапин» было набрано такими огромными буквами, каких никто не удостаивался ранее.

После очень эмоциональной встречи maestro в порту он отправился в гости. И сразу попросил провести репетицию. Только не «Фауста», который был объявлен первым спектаклем, а «Севильского цирюльника».

— Сколько переполоха это вызвало в опере, — вспоминала Ирья Ахоланен, певица, исполнявшая партию Маргариты в «Фаусте».

«Фауст» не настолько важен, — пояснял Шалапин директору оперы. — Но «Севильский цирюльник» — это иное дело. Это музыка, это трудно. Нужны репетиции. Читаем в «Ууси Суоми»: «Итак, ничего другого не оставалось делать, как срочно вызвать по телефону артистов оперы. К сожалению, часть артистов уехала в деревню, так что полной репетиции провести не удалось. Но несмотря на это, Шалапин начал репетировать с теми, кто пришел».

На оперной сцене собрался почти весь ее актерский состав, а также и гости, но это, видимо, совершенно не мешало Шалапину. Он произносил рецитативы и тихо напевал арии, давал своим партнерам, точнее и разумнейшие наставления, заставлял пережить действия «Севильского цирюльника», несмотря на то, что аккомпанировал только концертмейстер на фортепиано, а актеры были без грима. Было подлинным наслаждением наблюдать за постоянно меняющимися выражениями его лица, за тем глубоким и веселым юмором, которым он наполнил всю роль Бартоло.

Сцены стали несравненными по своей комичности и живости. Временами он, немного напевая, отклонялся от обычного ритма, делал неболь-

шую фермату или что-то подобное. «Прошу извинить, но так надо!» — он всегда говорил в подобных случаях. Остальные, словно под воздействием волшебной силы, приспособившись к этой необыкновенной воле, необыкновенной страсти, которая исходила от человека, руководившего репетицией. Он бросил свой пиджак на стул и, снова извиняясь, стер пот, и продолжил такую же живую и увлекательную репетицию, которая смотрелась, как настоящий спектакль...»

Встреча с журналистами произошла где-то после 20 часов там же, на сцене театра.

«Только что увлекший всех за собой артист снова изменился, — писала «Ууси Суоми» об окончании репетиции. — Он превратился в элегантно, интеллигентного господина, говорившего на благозвучнейшем парижском диалекте французского языка. Он беседовал с журналистами так, словно все они были его давними знакомыми».

— Да, тяжела, тяжела эта жизнь, — начал Шалапин в полужутливом тоне. — Я приехал сюда и после дороги, возможно, хотел отдохнуть. Но... надо работать».

— Почему мы не имели радости видеть вас раньше в Финляндии?

— ...Я с удовольствием приехал бы сюда молодым, но дела всегда уводили в другую сторону. Для того, чтобы приехать сюда, пришлось проделать очень большой крюк. Теперь представился подходящий момент, так как я договорился о турне по Скандинавии».

Журналистов очень интересовал вопрос, перед какой аудиторией maestro поет с большим удовольствием.

— Мне совсем безразлично, где я пою, — был ответ. — Когда я пою, я все забываю: настоящее, будущее, прошлое... Когда я пою, я находясь во власти незримой силы, которая исходит также и из публики. Это является для меня единственным источником вдохновения... Вообще для меня безразлично, присутствуют ли среди публики артисты, критики или простые слушатели».

— Какую музыку вы больше любите?

— Я всегда люблю живую, хорошую музыку. В этой связи я должен выразить свое восхищение вашим великим композитором Сибелиусом».

На вопрос, встречался ли певец с Львом Толстым, «Ууси Суоми» приводит ответ: «Показалось, что голос его дрогнул когда он ответил: «Однажды имел честь встретиться с Львом Толстым в Москве. Его мировоззрение очень повлияло на меня, а его мнения о музыке оказали влияние на мое художественное поприще. Такие великие души влияют на артиста гораздо больше, чем обыкновенные критики».

Шалапина спросили о распространяющихся слухах о возможной поездке артиста в Москву в составе парижской труппы «Оперы Комика». Певец сказал, что это «вымыслы журналистики плохого уровня».

— Я слежу за музыкальной жизнью России, слушаю передачи московского радио. Замечаю, что она весьма оживленная, там есть хоро-

Он был русским. Во всем величии и неповторимости своего гения. Даже в том, что за несколько лет до смерти написал эти пронзительные строки эпитафии:

«Прохожий, остановись! Здесь моя могила, могила Шалапина. Шалапин ушел из жизни, чтобы его место заняли другие. Он боролся, страдал, любил и ненавидел. Он грешил, проливал слезы, опять грешил и снова калялся... Был народный артист Советской республики, был человек и вот его уже нет...»

Прошу тебя, прохожий, остановись и скажи: «Мир праху твоему, Федор!»

Он не сказал только одного — я нужен вам, русские, во мне вы будете узнавать себя, вы не сможете без меня, потому что я, как всякий талант, воплотил в себе черты своего народа. То, что с годами мы все больше и больше обращаемся к Ф. И. Шалапину, хотим знать во всей полноте его творческий путь, — есть естественная потребность. Об этом говорит и поступь русской истории: прах Ф. И. Шалапина вернулся в Россию, пришла к русскому читателю его искренняя книга «Маска и душа». Но до сих пор многие свидетельства жизни и творчества Ф. И. Шалапина недвижно лежат в архивах разных стран мира. Я столкнулся с этим, когда работал корреспондентом ТАСС в Финляндии, встретился там с концертмейстером Шалапина Г. Ф. Годзинским. На основании его воспоминаний и людей, встречавшихся с Шалапиным, свидетельств прессы тех лет, когда великий русский певец с триумфом шагнул по оперным сценам мира, и написан этот материал.

шие голоса. Но ближе этого я к Советскому Союзу не подходил.

— Вы спрашиваете, буду ли я еще играть в кинофильмах. Вряд ли... Кино является слишком механическим, тогда как опера и театр являются самой жизнью, которую посредством искусства передают органам зрения и слуха публики».

21 ноября яходящая на шведском языке «Хювюдстадсбладет» сообщила читателям: «Вчера в опере был великолепный вечер. Что же иного там могло бы произойти, кроме праздничного представления высшего класса, когда впервые нашу страну почтил своими гастролями самый знаменитый и почитаемый из ныне живущих певцов мира... Увидеть Шалапина на сцене, следить за его мастерством выступления, наблюдать за его пластикой и мимикой, разработанными до мельчайших подробностей, — все это действительно доставляет большое удовольствие. Он может выступать в любом образе, в любом окружении — его сильная личность всегда неотразимо пленяет зрителей». Эта же газета 23 ноября писала о «Севильском цирюльнике»: «Вчера, как никогда, можно было убедиться, на что способна сильная личность, божественная душа... Певец позволил своему звучному, металлическому басу забить ключом во всей роскоши и красоте, и он блистал сво-

ей виртуозностью. Но кто бы подумал о таких подробностях, как звучание или техника? Шалапин в роли Базилио — это прежде всего живой человеческий образ, бурлящий гениальным юмором, замечательный в гриме и мимике. Однако великий артист не только исполнил свою роль, он наложил отпечаток своей личности на весь остальной ансамбль, и его рука чувствовалась во многих тонкостях техники режиссуры».

По окончании «Севильского цирюльника» публика не хотела отпускать Шалапина. «Ууси Суоми» пишет: «Когда после многочисленных вызовов его попросили еще раз на сцену, он поблагодарил и сказал, что уезжает из Финляндии «с раной в сердце» и что едет пет далеко, вплоть до Шанхая и Токио. Но он не хотел говорить финнам «прощайте», а сказал только «до свидания». Действительно, Федор Иванович собирался в длительную поездку на Дальний Восток: в программе были его выступления в Японии, Китае, Маньчжурии. Гастроли начинались в январе следующего, 1936 года, но оставалась одна нерешенная проблема — не было аккомпаниатора. Его не было до приезда Шалапина в Финляндию. И вдруг встреча, решившая проблему».

На одной из репетиций в опере Федор Иванович заметил Жоржа

Годзинского. Он пригласил его прийти к нему в номер для прослушивания.

— Я был, разумеется, страшно взволнован, — вспоминает Годзинский. — Волновался очень. Думал, хватит ли моих способностей, чтобы выступать с гением, слава о котором гремит по всему миру. Я попросил Федора Ивановича предложить, по его мнению, самые трудные для аккомпанемента произведения. Начали с «Бориса Годунова»: сцена прощания и смерти Бориса. «Давай больше колоколов, — слышу замечание Шалапина. — Больше колоколов». Потом романс «Вешние воды» Рахманинова. Ужасно трудный аккомпанемент. Потом были романсы Чайковского, Рахманинова, Рубинштейна... Завершилось это прослушивание тем, что Шалапин похлопал по плечу молодого музыканта и сказал: «Ты едешь со мной».

19 декабря 1935 года Шалапин, члены его семьи — супруга Мария Валентиновна, дочь Дасия (Дася), импресарио, Жорж де Годзинский отправлялись из Парижа в Марсель, откуда на пароходе «Жаконе мару» продолжили путь в Японию. Известно, что у Шалапина не было заранее составленной программы выступлений. Годзинскому за месяц плавания пришлось изучить всю программу. Георгий Францевич показывает мне фотографию — он вместе с Федором Ивановичем за роялем на пароходе.

— А это программа наших выступлений в Японии. Пять концертов — с 27 января по 6 февраля в Токио в концертном зале «Хибийя паблик холл», 8 февраля в Нагое, затем с 12 по 19 февраля — четыре концерта в Осаке в «Сентрал паблик холл». Всего в программе 102 произведения и отдельно четыре сцены из «Бориса Годунова» М. П. Мусоргского. В нескольких чехомадах были ноты. Шалапин сам объявлял номера. Первый концерт 27 января в «Хибийя паблик холл» запомнился Годзинскому на всю жизнь. Шалапин прибыл в 19.20 мрачным и очень взволнованным, вспоминает аккомпаниатор. Я тоже во всем теле чувствовал нервную дрожь, от холодного пота взмокла рубашка. Первым номером Шалапин объявил ариозо Римского-Корсакова «Пророк». Исполнение было настолько выдающимся, что только с годами я понял, насколько удивительно великим художником был Шалапин. Хотя мы репетировали вместе всю программу, Шалапин на репетициях практически не пел. Только на концерте он полностью отдавался во власть певческого искусства.

— По существу, — заметил Годзинский, — все, что мы делали на репетициях, было только приказкой, а сказка была впереди. Maestro пел на концерте все произведения совершенно по-иному. Но это еще не все. В ряде концертов Шалапин пел одни и те же произведения по-разному. Он был большим музыкальным импровизатором. Из каждого произведения

он создавал драматическую, поэтическую и увлекательную музыкальную картину.

В антракте Шалапин сделал мне два замечания... Постепенно я стал привыкать к манере исполнения Шалапина. На бис Шалапин исполнял свои любимые «Песню о Блохе» Мусоргского и «Эй, ухнем!».

13 февраля 1936 года Федору Ивановичу исполнилось 63 года. Он встречал его в Осаке. Затем были Шанхай, Мукден, Харбин, Тяньцзинь, Гонконг...

Передо мной письмо Годзинского от 8 апреля. Музыкант отмечает, что «мы снова в Шанхае», так как в этом городе, первом в Китае, они начали гастроли в конце февраля 1936 года, прибыв из Японии. Вышедшая на русском языке в Шанхае газета «Заря» подчеркивала: «Это был поистине большой триумф, пожалуй, величайшего в мире певца. Это был огромный триумф большого, чистого искусства. В течение всего концерта переполненный зал черпал из неиссякающего источника великого артиста. Когда певец сообщил, что песня, которую он исполнит, будет, безусловно, последней, то публика совершенно потеряла голову и хлынула на сцену, чтобы ближе увидеть, пожалуй, наиболее почитаемого артиста».

Русские народные мелодии... «Его мощное фортиссимо пленило нас, писали в те дни — своим объемом, в особенности, когда он мелодией передавал движение волн на Волге. Затем «Эй, ухнем!». Певец гениально передал монотонность судьбы бурлаков и революционность славянской души, но также и безнадежность борьбы. Затем бурлаки начали удаляться, а с ними исчезать и песня, пока мастер не прощептал свое знаменитое пианиссимо. Затем последовала «Блоха». Вдруг мы увидели, что перед нами стоит сам Мефистофель, саркастический Демон, который смотрит на нас сквозь дыру из другого мира. Когда этот прекрасный артист разоблачил наши плохие стороны, мы почувствовали себя по-человечески плохими. Затем мастер спел еще шесть песен на бис, последней из которых была «Вдоль по Питерской». В этой песне Шалапин превратился в смеющегося молодого человека, радующегося празднику масленицы. Мы услышали танцующее, поющее и ликующее население всего Питера на Питерской улице». А 13 мая состоялся последний концерт, который завершился в 22.10. Годзинский пишет: «В 23.20 я был готов к отъезду. На прощание Фед. Ив. был очень добр, он обнял меня и сказал (далее в письме приводится текст по-русски. — Прим. автора): «Если я тебя ругал, Жорж, то это не со злобы, а для того, чтобы ты стал еще лучше, я могу тебе сказать, что ты хороший музыкант и через 20 лет будешь меня вспоминать и благодарить. Желаю, чтоб мы еще когда-нибудь работали, если буду петь, вместе!»

Так под влиянием встречи с Георгием Францевичем Годзинским я занялся изучением архивов в Хельсинки, сохранивших следы пребывания там Ф. И. Шалапина.

Николай ГОРБУНОВ.